

7. Станиславский К.С. А.П. Чехов в Художественном театре // Станиславский К.С. Мое гражданское служение России. – М.: Правда, 1990.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1974-1983.
9. Intention and Interpretation (The Arts And Their Philosophie). – Philadelphia: Temple University Press, 1995.
10. Ricoeur Paul, Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning. – Fort Worth: Texas Christian University Press, 1976.

УДК 352.08

Шилина С.А.
(Брянск, Россия)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на материале посланий Ивана Грозного)

Автор представляет лингвокультурологическую интерпретацию властной личности с помощью социолингвистического анализа текстов Посланий Ивана IV (Грозного). Проблемы управленческого дискурса рассмотрены на историческом материале времени правления царя Ивана Васильевича Грозного.

Ключевые слова: лингвокультурология, язык, культура, управленческий дискурс, языковая картина мира

The author shows linguistic-cultural interpretation of a power person with the help of sociolinguistic analysis of texts of Messages by Ivan the Terrible. The problems of the management discourses are considered on the historical materials at the age of Ivan the Terrible.

Key words: culture-oriented linguistics, language, culture, management discourses, language picture of world.

Исходя из положения, что Иван IV – знаковая языковая личность своей эпохи, воплотившая противоречия Средневековья в силу исключительности своего общественного положения, обратимся к исследованию управленческого дискурса как фрагменту репрезентации языковой картины мира.

Рассматриваемые в настоящей статье лингвокультурологические понятия «языковая картина мира» и «языковая личность» получили широкое освещение в рамках проблемы «Язык и культура», претерпевшей длительную эволюцию в истории мировой философской и лингвистической мысли.

Разработка вопроса о взаимоотношении языка и культуры связана с именем Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1835).

В работе «Характер языка и характер народа» фон Гумбольдт связывает своеобразие языка с особенностями духовной деятельности нации, которое можно обозначить как «... тонкое, но глубокое родство между различными видами духовной деятельности и своеобразием каждого языка...», в котором «мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации» [1: 373]. Сущность языка позволяет ему влиять на целые поколения людей, а также на другие языки.

Изучение языка имеет прямое отношение к внутреннему миру человека. Огромна роль языка в формировании личности. По словам Гумбольдта, «влияние языка выражается в двоякого рода преимуществах – возвышении чувства языка и формировании своеобразного мировидения», язык «...становится родителем и воспитателем всего высочайшего и утонченнейшего в человечестве» [1: 375-376].

Эдвард Сепир считал, что «язык в своей лексике более или менее точно отражает культуру, которую он обслуживает, совершенно справедливо и то, что история языка и история культуры развиваются параллельно» [2: 194]. «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [2: 193].

Проблема «Язык и культура» привлекала внимание виднейших ученых в отечественном языкознании. Так, И.И. Срезневский отмечает, что «каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа, тем более важный, чем важнее понятие, им выражаемое. Дополняя одно другое, они вместе представляют систему понятий народа, передают быль о жизни народа» [3: 103]. По словам Л.В. Щербы, «каждый язык представляет нам мир внешний, воспринимаемый мир в своем особом виде... В каждом языке мир представлен по-разному...» [4: 53]. Далее, именно этнолингвистика, пишет Н.И. Толстой, «... является той отраслью языкознания, которая ставит и решает проблемы языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и мифологии и т. д. Для этого раздела лингвистики существенно рассмотрение не только и не столько отражения народной культуры, психологии и мифологических представлений в языке..., сколько конструктивной роли языка и его воздействия на формирование и функционирование народной культуры, народной психологии и народного творчества» [5: 311].

В настоящее время наметился еще один важный этап в эволюции проблемы «Язык и культура»: Лингвострановедение в качестве прикладного аспекта преподавания русского языка как иностранного постепенно уступило место новому антропоцентрически ориентированному направлению – лингвокультурологии [6; 7; 8; 9; 10 и др.].

Лингвокультурология (от лат.: *lingua* – язык, *cultura* – культура, *logos* наука, учение) – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей) [7: 36-37]. Исходя из такого понимания задач новой науки, вполне объясним ее интегративный, многоаспектный характер, в центре которой человек как языковая личность, национальное своеобразие языкового отражения мира.

Так как основополагающими понятиями лингвокультурологии являются «языковая картина мира» и «языковая личность», мы считаем необходимым кратко остановиться

на нашем понимании подходов к изучению известной исторической языковой личности в рамках науки лингвокультурологии. При этом мы постоянно акцентируем внимание на том, что основное направление исследования проводится в границах исторического и историко-типологического лингвокультуроведения. Во-первых, необходимо четко представлять, как отражается языковая система в сознании изучаемой языковой личности и, во-вторых, как эта личность моделирует в своем сознании и соответственно в текстах окружающий мир, насколько его личное сознание соотносится с сознанием национального лингво-культурного сообщества.

В лингвокультурологии язык рассматривается как система воплощения культурных ценностей в языке. Язык отражает национальную суть языковой и внеязыковой семантики слов. По мнению В.В. Воробьева, «органическая связь «человек (национальная личность) – язык – культура (система материальных и духовных ценностей)» является основой и моделью лингвокультурологического раскрытия содержания каждого из этих составляющих» [8: 99].

Аналогично этим взглядам, В.Н. Телия считает, что главной целью лингвокультурологии является «...выявление «повседневной» культурно-языковой компетенции субъектов лингвокультурного сообщества на основе описания культурных коннотаций, соотносимых с концептуальным содержанием языковых знаков различных типов и воспроизводимых вместе с ними в процессах употребления языка, и тем самым несущих сведения о совокупной идентичности культурно-языкового самосознания как части общекультурного менталитета социума» [11: 24]. Таким образом, можно говорить о тесной взаимосвязи изучения целей и задач языковой личности и языковой картины мира.

Понятие «картина мира» рассматривается учеными двояко:

– как совокупность объективных знаний об окружающей действительности, состоящая из жизненно важных для человека понятий (концептов);

– как картина мира, отображенная с помощью специальных (языковых) знаков, несущих информацию об объективной действительности; ее составляют семантические поля слов-концептов, образующих тезаурус как языка в целом, так и тезаурус отдельной языковой личности [9: 4]. В основе языковой картины мира лежит концептуальная картина мира, но не в полном объеме.

Среди аспектов изучения языковой картины мира называются логический, философский и аксиологический [9: 17-23].

Одним из первых в отечественном языкознании проблему связи языка, знания и действительности начал исследовать Г.А. Брутян: «...Знание имеет языковой характер не только в том смысле, что язык выступает как способ осуществления знания, но и в том, что язык оставляет свой специфический след на знании» [12: 57-58].

«...Представление отражения мира в виде «мыслительной» и «языковой» моделей столь же правомерно, сколь расчленение единого и сложного процесса познания или многогранной природы знания и представление их в первом случае в виде «чувственно-го познания», «логического познания», во втором – «эмпирического уровня познания», «теоретического уровня знания»» [12: 58].

Ю.Д. Апресян сформулировал следующие два направления изучения языковой картины мира: «Во-первых, исследуются отдельные характерные для данного языка

концепты... Это прежде всего «стереотипы» языкового и более широкого культурного сознания, ср. типично русские концепты душа, тоска, судьба..., задушевность, удаль, воля..., даль, авось... Во-вторых, ведется поиск и реконструкция присущего языку... взгляда на мир...» [13: 38].

В последние годы высказывается мысль о несостоятельности термина «языковая картина мира» и предлагается заменить его «когнитивной моделью мира», под которой имеют в виду «...концептуальную репрезентацию действительности в многообразии его внешних и внутренних связей, существующую в виде определенной системы понятий» [14: 10]. Когнитивная модель мира включает не только универсальные для всех культур понятия, но и все представления человека об окружающей действительности [14: 10-11].

В своей статье мы используем термин «языковая картина мира» как выражение с помощью различных языковых средств системно упорядоченной, социально значимой модели знаков информации об окружающем мире. Нам близко понимание языковой картины мира как своего рода мировидения через призму языка [15: 47].

Применительно к нашей статье **индивидуальная языковая картина мира** – видение, восприятие и оценка мира отдельной языковой личностью, выраженные языковыми средствами и являющиеся составной частью национальной языковой картины мира.

Для II половины XVI в. такой когнитивной базой были представления и знания русского сообщества о происходящих в царствование Ивана IV событиях, связанных с его деятельностью по укреплению царской власти, созданием опричнины.

Национальное культурное пространство – это все многообразие знаний русского ментального сообщества этого времени, включающего все индивидуальные и коллективные когнитивные пространства [16: 101]. При этом под коллективным когнитивным пространством целесообразно понимать такую структурированную совокупность знаний и представлений, которой должны обладать все личности, входящие в тот или иной социум [16: 45]. Для эпохи Ивана IV **наиболее существенными такими социумами** могли быть: 1) царь и его ближайшее окружение; 2) высшее боярство Руси; 3) опричнина; 4) ремесленники; 5) духовенство; 6) крестьяне (холопы). Внутри социальных групп – мелкие сообщества.

Низшей ступенью является индивидуальное когнитивное пространство – структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность [16: 45]. Индивидуальное + когнитивное пространство базируется на коллективном когнитивном пространстве и когнитивной базе и должно включать в себя пространство всех социумов, в которые он входит.

Далее, когнитивные пространства и когнитивная база формируются когнитивными структурами, представляющими собой содержательную форму кодирования и хранения информации, т.е. это определенные участки когнитивного пространства, неделимая и нечленимая когнитивная единица, хранящая свернутое знание и/или представление. «Информация, кодируемая и хранимая и виде когнитивных структур, включает в себя сведения (знания и представления) не только о реальном окружающем мире, но и знание языка и знание о языке» [16: 47-48]. Особое место в структуре языковой личности занимают знания, языковые и неязыковые, и концепты.

Лексикон человека определяется как система кодов и кодовых операций, а также как средство доступа к единой информационной базе человека – его информационному тезаурусу, т.е. базе знаний, обеспечивающей овладение опытом предшествующих поколений и становление индивида как члена определенного национально-лингво-культурного сообщества [17: 58].

Иван IV является типичной русской языковой личностью в понимании ее, к примеру, Ю.Н. Карауловым, у которого русская языковая личность предполагает «...наличие общерусского языкового типа (нулевой уровень структуры) – базовой части общей для русских картины мира, или мировидения (первый уровень), и устойчивого комплекса коммуникативных черт, определяющих национально-культурную мотивированность речевого поведения (второй уровень), и позволяют говорить о русской языковой личности» [18: 42].

Анализ посланий Ивана Грозного подтверждает выявленные черты русской национальной личности.

Например, понятие «судьба» определяется через соотношение двух миров – идеального и реального. Это соотношение во всей полноте проявляется в языке Ивана IV. Основным компонентом данного концепта в языковой картине мира Ивана IV является идея «предопределения». Для царя судьба – это Божие правосудие. То, что суждено Богом в «идеальном мире», во всей полноте отражается в реальном (земном) мире. Иван IV неоднократно подчеркивает, что все подвластно Божьей воле («ему же хочет») и человек не властен что-либо изменить, поэтому слово «судьба» всегда соотносится с прилагательным «Божия»: «Смотри, о княже, божия **судьбы**, яко бог дает власть, ему же хочет» [19: 105].

Интерес вызывает тот факт, что, с одной стороны, только Бог владеет судьбами людей, с другой – царь неоднократно обращается с просьбами о милосердии к Богородице и ко всем святым, тем самым отмечая то, что и они могут оказывать влияние на человеческие судьбы, хотя Божье милосердие признается основным: «Тако же изволися **судьбами божиими** быти, родительнице нашей благочестивой царице Елене преити от земнаго царствия на небесное; нам же со святопочившим братом Георгием сиротствующим родителей своих и ни откуду же промышления человеческого не приемлюще, токмо на **божие милосердие уповающе и пречистые богородицы милость, и на всех святых молитвы** и на родителей своих благословение и упование положихом» [19: 27].

Концепт «судьба» в языковой картине мира Ивана IV тесно связан с концептами «жизнь, смерть», через которые осмысливается не только духовный мир, но и картина мира русского народа того времени.

Концепт «жизнь» реализуется через лексемы «жизнь, живот, житие», которые выражают основное значение концепта «жизнь», что означает «земное» существование человека, его бытие, но не биологическое существование, т.к., по мнению Ивана IV, жизнь на земле не является «конечной», что еще раз подчеркивает существование идеального и реального миров. Жизнь в значении «данное богом» тесно связана с судьбой. Иван IV отмечает, что лишить человека жизни может только бог, если же это делают люди, то бог наказывает их: «Мое же утешение – вместо крови пролитыя от вас самех приях всякое оскорбление и озлобление, еже вашим злым сеянием оскорбления строптиваго **жития**, не престанет, се убо наипаче на вас без престани вопиет к богу!» [19: 42].

В духовном мире человека жизнь всегда соотносится со смертью, т.к. это два взаимопологающих начала.

Понятие-концепт «смерть» в сочинения Ивана IV представлено следующими лексемами: отшествие, смерть, погибель – и словосочетаниями: преиде на небесная, за упокой, во гроб положите, венец жизни.

Например: «Се есть первая неволя и безчестье, от света бо во тму, от славы в кожаны ризы, от покоя в трудох снести хлеб, от нетления во истление, от живота в смерть» [201: 261].

Смерть чаще рассматривается как некая точка вечного бытия, т.е. человек не умирает, он только переходит в иной мир, а смерть для него – это «искупление грехов», т.е. очищение души. Иван IV подчеркивает, что через это очищение должен пройти каждый человек, поэтому нет «бессмертных»: «Бессмертен же быти не мнюся, понеже смерть Адамский грех, общедательный долг всем человеком; аще бо и перфиру ношу, но обаче вем се, яко по всему немощию подобно всем человеком, обложен есь по естеству, а не яко же вы мудръствуете, выше естества велите быти ми, – от ереси же всякой» [19: 38-39].

Таким образом, в структуре концепта «смерть» явно выделяется компонент «переход в иное бытие». Этот компонент реализуется и лексемой «отшествие», которая в сочинениях Ивана IV встречается только в этом значении. Взаимосвязь лексем «смерть» и «отшествие» отмечена и в словаре Срезневского. Именно поэтому лексема отшествие чаще всего сочетается со словосочетанием «света сего» (т.е. этого света – земной жизни): «Аз же исповедаю и вем, ... по отшествии же света сего, горячайшее осуждение приемлюще, ожидающе праведнаго судища спасова, по осуждении же безконечная мучения приемлют» [19: 39].

Ядерный компонент концепта «смерть» – «переход в иное бытие» реализуется в сочинениях Ивана IV и с помощью устойчивых словосочетаний: преиде на небесная, за упокой, во гроб положити, венец жизни.

Словосочетание «преиде на небесная» в тезаурусе Ивана IV не переосмысливается, а составные его компоненты имеют значение, сформировавшееся в русском языке того времени. Тем самым смерть рассматривается как «переход из земной жизни в жизнь небесную, на небеса». В данном случае для Ивана IV небо представляется как обитель Бога и всех праведных душ, т.е. иной, «идеальный» мир: «Егда божиими судьбами отец наш, великий государь Василей, пременив порфиру аггельским премеением, тленное сие мимотекущее земное царствие оставил, **преиде на небесная** во он век нескончаемый...» [19: 27].

Таким образом, анализ лексики, реализующей концепты «судьба», «жизнь», «смерть», которые являются основными в картине мира человека, позволяет сделать вывод о том, что в посланиях Ивана IV, отражающих его языковую картину мира, в полной мере представлена картина мира русского человека того времени. Поля концептов «судьба», «жизнь» и «смерть» являются пересекающимися. Все эти концепты тесно связаны с концептом «Бог», который является главным в языковой картине мира Ивана IV. Бытие в посланиях Ивана IV представляется триединым: во-первых, земная жизнь (биологическое существование человека в реальном мире), которой противостоит

поставлена небесная жизнь (царствие небесное, бытие Бога, всех святых и праведных душ) и преисподняя (мир грешных душ).

Итак, очевидно, что каждая языковая личность является членом того или иного национально-лингво-культурного сообщества, вследствие чего универсальное значение личности нуждается в лингвокультурологическом анализе и объяснении [16: 89], что мы и продемонстрировали на примере одного из фрагментов управленческого дискурса Ивана Грозного как русской языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1984. – 399 с.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. // Общ. ред. и вступительная статья А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993 – 656 с.
3. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 135 с.
4. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики. – М.; Л.: Наука, 1947. – 109 с.
5. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П.Нерознака. – М.: Academia, 1997. – 320 с. – С. 306-315.
6. Прохоров Ю.Е. Лингвострановедение – страноведение – культуроведение (Спорные размышления по спорным вопросам) // Русский язык за рубежом. – 1990. №3. – С. 76-83.
7. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
8. Воробьев В.В. О статусе лингвокультурологии // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. Доклады российских ученых. – М., 1999. – 531 с. – С. 96-117.
9. Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями). – М.: Прометей, 1996. – 147 с.
10. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. – М.: Общество любителей российской словесности, 1997. – 184 с.
11. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 116 с.
12. Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1976. – 244 с. – С. 57-64.
13. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Вопросы языкознания, 1995. – №1. – С. 37 – 66.
14. Шафиков С.Г. Языковые универсалии и проблемы лексической семантики. – Уфа: Изд-е Башкирского ун-та, 1998. – 251 с.
15. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. – 1996. – №1-2-3. – С. 47-56.
16. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

17. Залевская А.А. Индивидуальное знание: Специфика и принципы функционирования. – Тверь, 1992. – 136 с.
18. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261, [2] с.
19. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским // Текст подготовили Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. Отв.ред. Д.С. Лихачев. – М.: Наука, 1981. – 432 с.
20. Послания Ивана Грозного // Подготовка текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье, перевод с комментариями Я.С. Лурье. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 716 с.

УДК 83-3 [Манн]

Квирикадзе Н.Г.
(Кутаиси, Грузия)

ЦВЕТОВЫЕ ДЕТАЛИ У НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ И ТОМАСА МАННА («Мертвые души» и «Будденброки»)

В статье исследуются функциональные аспекты цветowych деталей в «Мертвых душах» Н.Гоголя и «Будденброках» Т.Манна. Серые цветowych детали приобретают многоплановость и многофункциональность. Тотальная пейзажно-архитектурная «серость», по нашему мнению, является отражением подлинной сущности целого социального уклада, подчеркивая деградацию дворянского общества, превращение самих крепостников в «мертвых души». Цветowych детали у Томаса Манна также полифункциональны. Они также выступают в качестве признака упадка и гибели (Verfall-a) некогда ведущего социального слоя класса Германии – патриархального бюргерства (в лице Будденброков), в то же время они могут быть связаны с душевной жизнью персонажей, с изображением их чувств и страстей.

Ключевые слова: тотальная «серость», «мертвые души», Будденброки, серые цветowych детали, Verfall.

The purpose of this paper is to analyze functional aspects of color details in N. Gogol's "Dead Souls" and Th. Mann's "Buddenbrooks" by making use of structural-semantic methods. Gogol's grey details acquire divergent planes and functions. This total grey coloring of the landscape and architecture in the novel reflects the true essence of the social formation and indicates the degradation of the aristocrat community and the transformation of the ruling class into the "dead souls". In Th. Mann's "Buddenbrooks" the grey color details are attributes of German patrician burgers and simultaneously they serve as signs of "Verfall" (Fall, Decay) indicating the decline of the Buddenbrooks family as well as entire German patriarchal burger world in general. They are also connected with the characters' spiritual lives, expressing their emotions and passions as it is the case in Gogol's novel.

Key words: this total grey coloring, the "dead souls", Buddenbrooks, the grey color details, Verfall.